
КОММЕНТАРИЙ

Том, который читатель держит в руках, в полном смысле слова является коллективным трудом. Составителю здесь принадлежит лишь композиция книги, вступительная статья и комментарий. Все остальное — переводы иноязычных текстов, их редакция, Хронограф жизни М. М. Бахтина — плоды труда коллектива исследователей, среди которых особо следует отметить проф. Виталия Львовича Махлина и проф. Олега Ефимовича Осовского.

Первый — неизменный главный редактор «Бахтинских сборников» (к концу 2000 г. вышло четыре тома), автор первой философской докторской диссертации о М. М. Бахтине и монографий о его творчестве, руководитель Бахтинской лаборатории при кафедре философии Московского государственного педагогического университета, выступил в настоящем издании в трех ипостасях: как автор текстов, переводчик и куратор разделов антологии.

Второй — руководитель Лаборатории по изучению научного наследия М. М. Бахтина при кафедре истории мировой и национальной культуры Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева (Саранск, Мордовия), член редколлегий большинства русскоязычных сборников статей о творчестве М. М. Бахтина, автор первой филологической докторской диссертации о Бахтине и книг о нем, взял на себя координацию действий по составлению максимально полной русской и иноязычной библиографии, которая будет представлена во втором томе, и хронографа; кроме того, он выступил и как исследователь судьбы и идей новой для нас фигуры — Николая Михайловича Бахтина, без которого том «Михаил Бахтин: pro et contra» остался бы с невозможными биографическими и смысловыми зияниями.

Редколлегия «Русского Пути» сердечно благодарит исследователей и всех коллег за авторскую и редакторскую «соучастность» и за тот тип активнотворческого сочувствия, который Бахтин называл «внезаходимостью».

Оговорим некоторые вещи, чтобы заранее если не снять, то хотя бы смягчить некоторые законные требования читателя к составителю.

Дело в том, что «Русский Путь» впервые выпускает книгу, посвященную наследству современного философа *такой* степени сложности, а главное — такого уровня компетентного присутствия «при полном свете исторического дня». Общеизвестно, что труды М. М. Бахтина не раз уже переведены на все основные языки мира. Перед составителем обнаружились две трудности.

1. Проблема включения/невключения в антологию весьма репрезентативных исследований. Досадно говорить, но на фоне беспрецедентного количества трудов о Бахтине и множества исследований, созданных в бахтинской традиции, проблема отбора «самых-самых» репрезентативных текстов в рамках объема нашей книги оказалась нерешаемой даже теоретически.

Множество блестящих работ так и осталось за рамками издания, а его композиция и определившие монтаж разделов имена, конечно, свидетельствуют — достаточно простодушно — о вкусовых предпочтениях составителя. Нам остается лишь выразить сожаление тем авторам, чьи штудии, несомненно, достойны включения в данную антологию, но так и не попали (чаще всего — по техническим причинам и по соображениям объема). Будем надеяться, что невольно пропущенные нами вещи найдут свое место в других хрестоматиях, которые в будущем составят более объективные и, главное, более компетентные люди.

2. Читатель изданий о Бахтине — существо особенное. Он не слишком нуждается в комментаторе. Поскольку статьи о Бахтине — сами по себе комментарий — со своим справочным аппаратом и терминологией, отражающей определенную школу, и поскольку посвящены они обсуждению идей Михаила Михайловича, который, помимо прочего, — Комментатор мировой культуры, то фигура комментатора третьего (если не четвертого) порядка становится или излишней, или смешной. В самом деле: чту комментировать в бахтиноведческих текстах?

В этой связи мы решили ограничиться минимальными справками об авторах (при наличии о них сведений), в редких случаях проясняется заведомо «темное» место в тексте, дополняются или раскрываются цитаты по доступным нам источникам. У комментатора нет морального права спорить с представляемой позицией автора, однако о наличии «contra» ко всякому «pro» говорить можно и должно.

Вряд ли это можно назвать комментарием, однако вовсе отступить от нашей издательской традиции мы тоже не решились.

Пусть читатель не посетует на относительную ущербность сведений; в конце концов, дело не в годе рождения и месте службы собеседника Бахтина, а в мировой судьбе идей нашего великого соотечественника.

В текстах читатель встретит два типа примечаний: авторские (они помещены там же и отмечены звездочками) и комментаторские — они отмечены цифрой и помещены в комментарии под заглавием соответствующего текста.

Курсив в цитатах принадлежит их авторам.

Еще раз приносим сердечную благодарность всем, кто советом и делом поддержал редколлегия на всех этапах подготовки книги к печати.

Искренняя благодарность за помощь коллегам — аспирантам и сотрудникам кафедры эстетики и этики РГПУ им. А. И. Герцена. Особая признательность А. Ф. Белоусову, О. Р. Демидовой, Н. И. Николаеву, И. В. Борисовой за помощь в библиографических разысканиях.

Благодарим и тех, кто резонно возражал против самой идеи издания книги «М. М. Бахтин: pro et contra»: они нас почти убедили.

В антологии принята следующая маркировка трудов М. М. Бахтина:

ВЛЭ — Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975.

Доп. — Дополнения и изменения к «Рабле» // Вопросы философии. М., 1992. № 1.

ЛКС — Литературно-критические статьи. М., 1986.

МФ — Формальный метод в литературоведении (Критическое введение в социологическую поэтику). Л., 1928; М., 1993.

- МФЯ** — Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929; 1930; М., 1993.
- ПнД** — Проблемы поэтики Достоевского. М., 1974; 1979.
- ПтД** — Проблемы творчества Достоевского. Л., 1929.
- СС-2** — Собрание сочинений: В 7 т. М., 2000. Т. 2.
- СС-5** — Собрание сочинений: В 7 т. М., 1996. Т. 5.
- Т** — Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; 1990.
- Ф** — Фрейдизм. Критический очерк. М.; Л., 1927; М., 1993.
- ФП** — К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984—1985. М., 1986.
- Э** — Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Тексты, цитируемые по другим изданиям, указаны по году их выхода в свет. Индивидуальная авторская маркировка оговаривается в текстах статей. «Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным» (М., 1996) обозначаем как «Дувакин» и указываем страницу. Сочинения Ф. М. Достоевского цитируются по изданию: *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.; 1972—1990 (в скобках указываем: ППС, арабскими цифрами через запятую том и страницу).

I

В КРУГУ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ

<М. М. Бахтин>

Лекции и выступления М. М. Бахтина 1924—1925 гг.
в записях Л. В. Пумпянского (вступительная заметка,
подготовка текста и примечания Н. И. Николаева)

Печатается по первопубликации: М. М. Бахтин как философ / Ред. С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин. М., 1992. С. 221—252.

Николаев Николай Иванович — литературовед, исследователь античной и отечественной старой и новой культуры. Научный сотрудник Библиотеки им. А. М. Горького СПбГУ, автор комментария к финскому переводу «Вопросов литературы и эстетики» М. Бахтина (М., 1979). См. выпущенный под его редакцией обширный том работ Л. В. Пумпянского «Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы» (М., 2000).

Пумпянский Лев Васильевич (1891—1940) — филолог-мыслитель, историк культуры и литературы, профессор Ленинградского университета (в 30-е годы).

Ю. М. Каган

Люди не нашего времени

Печатается по первопубликации: Бахтинский сб.—II / Отв. ред. Д. Куянджич, В. Л. Махлин. М., 1992. С. 87—98.

Каган Юдифь Матвеевна (1924—2000) — историк культуры, критик, переводчик текстов Эразма Роттердамского, Г. Бебеля и других латиноязычных писателей, автор статей об античной и русской культурах, книги «И. В. Цветаев. Жизнь. Деятельность. Личность» (М., 1988), учебника «Латинский язык» (М., 2000). Публикатор и комментатор переписки М. М. Бахтина и М. И. Кагана (Память. Исторический альманах. Париж, 1981. Вып. 4).

См. заметку Ю. М. Каган о М. И. Кагане в кн.: Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 233—234.

¹ Статья М. И. Кагана «О ходе истории» перепечатана в сб.: АРХН: культурологический ежегодник. Кемерово, 1994. Вып. 1. Ср.: *Каган М. И.* Как возможна история // Записки Орловского госуниверситета. Орел, 1921. Вып. 1.

² Статью М. К. Поливанова «Тайная свобода» см.: Литерат. обозрение. М., 1990. № 2.

³ «*О пушкинских поэмах*» — см.: В мире Пушкина. М., 1974. Статья о мотиве «трагического недоумения» у Пушкина получила положительный отзыв М. Бахтина (см.: Диалог, Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 88).

⁴ *semper idem* — всегда то же самое (лат.).

⁵ «*Ой, пурга какая, Спасе!*» — цитата из поэмы А. Блока «Двенадцать» (1918).

М. И. Каган

Два устремления искусства

Печатается по первопубликации: Философские науки. М., 1995. № 1. С. 47—61.

Каган Матвей Исаевич (1889—1937) — доктор философии Марбургского университета, ученик Г. Когена, участник Невельского кружка, близкий друг М. Бахтина. Библиографию его работ см. в указанной выше заметке Ю. М. Каган. См. также «Автобиографическую заметку» М. И. Кагана и переписку его с М. Бахтиным и Л. Пумпянским: Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 62—79.

¹ «...хозяйства как сферы бытия.» — Ср. онтологизацию понятия «хозяйство» на почве православного богословия и религиозно-социальной философии: *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. М., 1912.

М. И. Каган

Пауль Наторп и кризис культуры

Печатается по первопубликации: Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 1. С. 49—53. Публикации предшествует статья Б. Пула «“Назад к Кагану”. Марбургская школа в Невеле и философия М. М. Бахтина» (Там же. С. 38—48), а сопровождается текст М. И. Кагана большим фрагментом переведенной им в 1921 г. книги П. Наторпа «Социальный идеализм» (Берлин, 1920 <Там же. С. 55—126>).

¹ ...прорицает будущую жизнь на тысячелетие Достоевскому. — См. «Подлинный русский — это ученик Достоевского, хотя он его и не читает, хотя — и также потому что — читать он не умеет. Он сам — часть Достоевского... Если бы большевики, которые усматривают в Христе ровню себе, просто социального революционера, не были так духовно узки, они узнали бы в Достоевском настоящего своего врага. То, что придало этой революции ее размах, была не ненависть интеллигенции. То был народ, который без ненависти, лишь из стремления исцелиться от болезни, уничтожил западный мир руками его же подонков, а затем отправит следом и их самих — тою же дорогой; не знающий городов народ, тоскующий по своей собственной жизненной форме, по своей собственной религии, по своей собственной будущей истории. Христианство Толстого было недоразумением. Он говорил о Христе, а имел в виду Маркса. Христианство Достоевского принадлежит будущему тысячелетию» (*Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и прим. И. И. Маханькова. М., 1998. С. 201*).

В. Л. Махлин

Невельская школа. Круг Бахтина

Оба этюда печатаются по первопубликации: Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 359—365; 48—50.

Махлин Виталий Львович — доктор философских наук, профессор кафедры философии XIX—XX в. МПГУ, историк русской и зарубежной философии и литературы, автор многочисленных работ о М. М. Бахтине и западной философии диалога, переводчик, ответственный редактор московского «Бахтинского сборника» (вып. 1—4), руководитель Бахтинской лаборатории при кафедре философии МПГУ (Москва).

Проблема «Невельской школы» активно обсуждалась на конференциях, собираемых инициативной группой исследователей при Невельском краеведческом городском музее. Усилиями местных исследователей и энтузиастов печатаются научные сборники, публикуются архивные материалы (см. Библиографию).

О. Е. Осовский

Один из уехавших: жизнь и судьба Николая Бахтина

Печатается по авторской рукописи, присланной в редколлегия издательской серии РХГИ «Русский Путь» в 2000 г.

Осовский Олег Ефимович — доктор филологических наук, профессор и заведующий кафедрой истории мировой и национальной культуры Мордовского госпединститута им. М. Е. Евсевьева (Саранск), историк русской и зарубежной литературы XIX—XX вв., переводчик, библиограф, автор книг и статей, посвященных литературоведческой концепции М. М. Бахтина, составитель антологии «М. М. Бахтин. Человек в мире слова», переводчик, координатор Лаборатории по изучению научного наследия М. М. Бахтина

(Саранск, МГПИ). Совместно с Е. Г. Осовским — составитель хрестоматии «Педагогика Российского Зарубежья» (М., 1996).

Николай Михайлович Бахтин (1894—1950) — старший брат М. М. Бахтина, философ, журналист-эссеист, мемуарист, преподаватель университета в Бирмингеме (Англия), не был участником ни невеликих, ни саранских симпозионов М. Бахтина, однако университетская юность братьев прошла вместе, а в Париже Николай увидел на книжном лотке книгу брата *ПтД*. Так что включение Николая Михайловича в «круг единомышленников» представляется более чем уместным, тем более что идейная их перекличка показывает немалую общность взглядов на природу творчества, диалога и проблему смерти.

II СУДЬБА ИДЕЙ: ДИАЛОГ; ПОЛИФОНΙΑ; ХРОНОТОП

А. В. Луначарский

О «многоголосности» Достоевского: По поводу книги М. М. Бахтина
«Проблемы творчества Достоевского»

Печатается по изданию: *Луначарский А. В.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1963. Т. 1. С. 157—178. Впервые: Новый мир. 1929. № 10. Октябрь. С. 159—209.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — литературный критик, публицист, искусствовед и театровед, драматург и государственный деятель.

Полемизируя во втором издании *ПтД* с Луначарским, Бахтин приводит ключевую цитату («Достоевский ни у нас, ни на Западе еще не умер потому, что не умер капитализм и тем менее умерли его пережитки... Отсюда важность рассмотрения всех проблем трагической “достоевщины”») и заключает: «Нам кажется, что формулировку эту нельзя признать удачной. Открытие полифонического романа, сделанное Достоевским, переживет капитализм.

“Достоевщину”, на борьбу с которой следуя в этом Горькому, справедливо призывает Луначарский, никак нельзя, конечно, отождествлять с полифонией. “Достоевщина” — это реакционная, ч и с т о м о н о л о г и ч е с к а я выжимка из полифонии Достоевского. Она всегда замыкается в пределах одного сознания, копается в нем, создает культ раздвоенности и з о л и р о в а н н о й личности. Главное же в полифонии Достоевского именно в том, что совершается м е ж д у р а з н ы м и с о з н а н и я м и, т. е. их взаимодействие и взаимозависимость. <...> В своем историко-генеалогическом анализе А. В. Луначарский раскрывает только противоречия эпохи Достоевского и его собственную раздвоенность. Но для того, чтобы содержательные факторы перешли в новую форму художественного видения, породили новую структуру полифонического романа, необходима была еще

длительная подготовка общеэстетических и литературных традиций. Новые формы художественного видения готовятся медленно, веками, эпоха создает только оптимальные условия для окончательного вызревания и реализации новой формы. Раскрыть этот процесс художественной подготовки полифонического романа — задача исторической поэтики. Поэтику нельзя, конечно, отрывать от социально-исторических анализов, но ее нельзя и растворять в них» (ПнД. 1972, 62—63).

Освящение эпизода «Бахтин/Луначарский» см.: *Нестеренко А. А.* Луначарский читает Достоевского и Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999. № 3. С. 33—57.

¹ Книга немецкого филолога Отто Кауса цитируется в переводе Луначарского (Dostoejwski und sein Schicksal. Berlin, 1923).

² Имеется в виду книга Фридриха Гундельфингера (псевд. Гундольф; 1880—1931) «Goethe» (Berlin, 1923).

³ Гипотеза о Шекспире — графе Ретленде принадлежит Карлу Блейтбрену (1907) и С. Дамблону (1918). См.: *Шипулинский Ф.* Шекспир-Ретленд. М., 1924.

⁴ «Гамлет», акт. 1, сцена 6 (пер. А. Кронеберга).

⁵ Цитируется стихотворение Н. А. Некрасова «Памяти отца» (1857; опубл. 1862).

⁶ По замечанию комментаторов восьмитомника Луначарского, стихотворение, которое приписывалось Некрасову, принадлежит, как установил Б. Я. Бухштаб, перу начальника особой канцелярии Муравьева Н. А. Никитину.

⁷ См.: *Михайловский Н. К.* Литературные воспоминания. СПб., 1905. Т. 1. С. 59—69.

⁸ См. очерк Г. Успенского «Неплательщики» (1876) из цикла «Новые времена — новые заботы» (1873—1878).

⁹ Глеб Успенский страдал раздвоением личности на «Глеба» (светлое начало) и «Ивановича» (темное начало).

¹⁰ ...«ослиного моста»... — здесь: от лат. pons asinorum — среднего логического звена.

¹¹ ...*пребывания в Швейцарии*... — апрель-май 1929 г. Луначарский пребывал в Женеве как участник делегации Подготовительной комиссии по разоружению.

¹² ...*читать Евангелие крестьянам*... — см. *Гоголь Н. В.* ПСС: В 14 т. М., 1952. Т. 8. С. 322, 324.

¹³ ...*высмеивает и то место*... — о пародийных моментах в «Селе Степанчикове» см. в статье Ю. Н. Тынянова «Достоевский и Гоголь (К теории пародии)» (1921): *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 198—226.

¹⁴ Эти слова вынесены в название одной из глав «Братьев Карамазовых» (1879—1880): Ч. 1. Кн. 2. Гл. 5.

¹⁵ ...*вера угольщика*... — выражение восходит к легенде о правоверном угольщике, устоявшем пред кознями дьявола.

Н. Я. Берковский

<Рец. на кн.:> Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского.
Л.: Прибой, 1929

Печатается по изданию: *Берковский Н. Я.* Мир, создаваемый литературой. М., 1989. С. 119—121. Впервые: Звезда. 1929. № 7.

Берковский Наум Яковлевич (1901—1972) — литературовед, театровед, критик. Библиографию его работ см. в указанном источнике, с. 486—493.

Рецензия Н. Я. Берковского написана с рапповских позиций, что подчеркнуто во вступительной статье Г. А. Белой и С. И. Тиминой к этому сборнику его статей: «Концепция Бахтина была направлена против неуклонного стремления насадить в общественном сознании идею монологизма во всех формах: отношения к истине, инакомыслящим, саморазвитию литературы. Берковский же в эти годы принимал действительность не только как единственно возможную, но и как единственно разумную. Идея господства «авторского вердикта» вполне соответствовала его отношению к нарастающему гулу времени» (Указ. соч. С. 22).

П. М. Бицилли

<Рец. на кн.:> Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского.
Л.: Прибой, 1929

Печатается по первопубликации: *Современные записки.* Париж, 1930. Т. 42. С. 538—540.

Бицилли Петр Михайлович (1879—1953) — русский историк религии и культуры, литературовед, исследователь-философ. Автор специальной книжки о Достоевском: «К вопросу о внутренней форме романа у Достоевского» (София, 1946). Впервые отзывы П. М. Бицилли перепечатан О. Е. Осовским в сб. «Бахтинский сб.—II» (М., 1991. С. 381—383). См. монографическую работу П. М. Бицилли о Достоевском: *Ф. М. Достоевский // Бицилли П. М.* Краткая история русской литературы. Ч. 2. От Пушкина до нашего времени. София, 1934. С. 170—200.

¹ У Достоевского, говорит Бахтин, «в каждом романе дано не снятое диалектическое противостояние многих сознаний, не сливающихся в единство становящегося духа, как не сливаются духи и души в формально полифоническом дантовском мире. В лучшем случае они могли бы, как в дантовском мире, образовать, не теряя своей индивидуальности и не сливаясь, а сочетаясь, статическую фигуру, как бы застывшее событие, подобно дантовскому образу креста (души крестоносцев), орла (души императоров) или мистической розы (души блаженных). В пределах самого романа не развивается, не становится и дух автора, но, как в дантовском мире, или созерцает, или становится одним из участников» (*ПнД*, 1972, 44).

² ...с кантианским формализмом... см.: «На почве философского монологизма невозможно существование взаимодействие сознаний, и поэтому невозможен существующий диалог. В сущности, идеализм знает лишь один вид познавательного взаимодействия между сознаниями: научение знающим

и обладающим истиной не знающего и ошибающегося, т. е. взаимоотношение учителя и ученика (сноска: «Идеализм Платона не чисто монологистичен. Чистым монологомистом он становится лишь в неокантианской интерпретации <...>») (*ПнД*, 1972, 135—136).

А. Л. Бем

<Рец. на кн.:> Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929

Впервые: *Slavische Rundschau*. Berlin, 1930. № 6. S. 67—76. Печатается по изданию: М. М. Бахтин в зеркале критики. М., 1995. С. 67—69 / Пер. с нем., публ. и комм. Т. Г. Юрченко. Ниже мы используем некоторые данные из биографической справки, составленной комментатором.

Бем Альфред Людвигович (1886—1945) — русский филолог, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета. До революции — ученый хранитель рукописного отделения Академии наук. С 1919 — в эмиграции (Варшава, Прага). Преподавал русский язык в Карловом университете, историю русской литературы в Русском Педагогическом институте им. Я. А. Коменского, руководил Семинарием по изучению Достоевского при Русском народном университете, был секретарем Русского Педагогического бюро, редактором журнала «Крестьянская Россия». Арестован в 1945 г. с приходом в Прагу Красной армии. По одной из версий, расстрелян, по другой — покончил с собой.

Библиографию и детали жизненного пути А. Л. Бема см. во вступительной статье И. Сурат и С. Бочарова к публикации «А. Бем. Статьи о литературе» (Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 67—76). См. работы А. Л. Бема о Достоевском: Тайна личности Достоевского // Православие и культура / Ред. В. В. Зеньковского. Берлин, 1923. С. 181—196; Достоевский и Суслова // Последние новости. Париж, 1925. 12 июня. № 1574; «Игрок» Достоевского (в свете новых биографических данных) // Современные записки. Париж, 1925. Т. 24. С. 372—392; Гоголь и Пушкин в творчестве Достоевского // *Slavia*. Прага, 1928. Т. 7. С. 86; 1929. Т. 8. Вып. 1. С. 82—100; К вопросу о влиянии Гоголя на Достоевского. Прага, 1928; Отражение «Пиковой дамы» в творчестве Достоевского // Труды IV съезда Русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч. 1. С. 59—61; Эволюция Ставрогина (К спору об «Исповеди» Ставрогина) // Труды V съезда Русских академических организаций за границей. София, 1931. Т. 1. С. 177—213; Личные имена у Достоевского (Генезис романа «Бедные люди» // *Slavia*. Прага, 1933. Т. 12. Вып. 1—2. С. 134—161; Гюго и Достоевский. Психоаналитические этюды. Прага, 1938.

¹ ...*Виноградов, Тынянов, мои работы...* — см.: *Виноградов В. В.* 1) К морфологии натурального стиля (Опыт лингвистического анализа петербургской поэмы «Двойник») // *В. В. Виноградов. Поэтика русской литературы*. М., 1976. С. 101—140; 2) Школа сентиментального натурализма (Роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х гг.) // Там же. С. 141—190; *Тынянов Ю. Н.* 1) Достоевский и Гоголь (К

теории пародии) // Ю. Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 198—226; Бем А. Л. 1) Развертывание сна («Вечный муж» Достоевского) // Ученые записки, основанные Русской Учебной коллегией в Праге. Прага, 1924. Т. 1. С. 45—59; 2) «Игрок» Достоевского (В свете новых биографических данных) // Современные записки. Париж, 1925. Т. 24. С. 379—392; 3) К вопросу о влиянии Гоголя на Достоевского. Прага, 1928; 4) Драматизация бреда («Хозяйка» Достоевского) // О Достоевском. Прага, 1929. С. 77—124; 5) «Скупой рыцарь» Пушкина в творчестве Достоевского // Пушкинский сб. Прага, 1929. С. 209—244.

Р. В. Плетнев

<Рец. на кн.:> Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. <Л., 1929>

Печатается по первопубликации: Slavia. Прага, 1931. Т. IX. Вып. 4. С. 837—840.

Плетнев Ростислав Владимирович (1903—1985) — русский религиозный писатель-публицист и мыслитель, историк литературы. В начале 1930-х гг. — в Праге, потом — профессор русской словесности в Монреальском университете.

См. статьи Р. В. Плетнева о Достоевском: Сердцем мудрые. О «старцах» у Достоевского // О Достоевском. Прага, 1933. С. 73—92; Достоевский и Евангелие // Путь. Париж, 1930. № 48—68; № 24. С. 58—89 (перепечатку см. в сб.: Русские эмигранты о Достоевском. СПб., 1994. С. 160—190; Достоевский и Библия (Ветхий Завет) // Путь. Париж, 1938—1939. № 58. С. 49—56; Преображение мира (Природа в творчестве Достоевского) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. № 43. С. 63—80; Н. Ф. Федоров и Достоевский: из истории русского утопизма // Там же. 1957. № 50. С. 200—245; Время и пространство у Достоевского // Там же. 1967. № 87. С. 118—127; О животных в творчестве Достоевского // Там же. 1972. № 106. С. 113—133; Ф. М. Достоевский // Р. В. Плетнев. Лекции по истории русской литературы XVIII—XIX вв. Монреаль, 1964. С. 700—783; Достоевский-пророк // Русское слово. Нью-Йорк, 1971. 21 марта. № 69; Личность Достоевского // Там же. 1971. 14 ноября. № 279.

См. полемику с Р. В. Плетневым («Новый журнал». Нью-Йорк, 1957. Т. 51. С. 284—288) В. В. Виноградова (Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 30—34).

¹ ...подобно Энгельгардту... — Р. В. Плетнев заблуждается: диалог Бахтина с Борисом Михайловичем Энгельгардтом (1887—1942) включает как моменты солидарности и высокую оценку его работ, так и прямое принципиальное несогласие с основными выводами. Воспроизводим тот фрагмент статьи Энгельгардта, который имел в виду Р. В. Плетнев: «Идея позитивистического общества, — как бы говорил он (Достоевский. — К. И.), — смотрит же, вот какие изменения порождает она в сознании, как его деформирует и перерабатывает. Идея этического детерминизма — полюбуется на ее результаты: вот что происходит с душой, в которой она поселилась. И все это — не мои выдумки, не фантазии мои — ведь я художник — реалист, но

сама действительность, подлинная, исконная, а не та внешняя и призрачная, которую под видом обыденного изображают мелко плавающие представители традиционной реалистической школы. И так везде и всегда: он мало заботился о логическом обосновании и оправдании идеи: он только показывал, как она в своем диалектическом развитии влияет на формирование различных типов сознания и к чему приводит как практическая норма. Этот подход к анализу идеи характерен именно для художника. Он мучается не отвлеченной, теоретической проблемой, но возникающим пред ним видением идеи как живой силы в живом сознании. И этот реальный лик идеи способен не менее сильно поражать чувство созерцающего, чем любая формула. Он то привлекает к себе художника, то отталкивает его от себя, пробуждает в нем то ненависть и отвращение, то умиление и восторг.

Таким художником и был Достоевский. Движимый тоской по текущей действительности, его взор отвращался от прошлого: в предстоящей же ему общественности он мог созерцать только жизнь случайного племени, подспудную основу которого составляло непрерывное самодовлеющее становление занесенных с Запада идей. Эту-то жизнь идей, как подлинную реальность, и созерцал, то пугаясь и ненавидя, то умиляясь, гениальный писатель. В итоге система его романов образует своеобразную художественную «феноменологию духа» русской интеллигенции. Его величественная эпопея захватывает основные типы интеллигентского сознания и рисует грандиозную картину их постепенной внутренне-закономерной эволюции, а чтобы дать такое изображение развития идей в определяемом ими сознании, нужно было не только обладать способностью наблюдения и психологического анализа, но и даром мощной диалектики.

Конечно, эта феноменология интеллигентского духа дана в романах Достоевского без строгой последовательности частей, нередко в отрывках и намеках, но все же его вечно убегающая вперед мысль, его бурное, торопливое творчество успели охватить и поэтически отразить целый цикл идей, образующих единое и стройное целое. Но именно потому, что Достоевский всегда изображает идею в акте ее становления, внутренняя связь и закономерная последовательность отдельных частей этого целого могут быть раскрыты только диалектически, что невозможно иначе, как в плане максимально отвлеченного мышления поставленных проблем» (*Энгельгардт Б. М. Идеологический роман Достоевского // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / Ред. А. С. Долинин. М.; Л., 1924. Сб. II. С. 91*). Этот гегельянский этюд Энгельгардта включает в себя и ту мысль, что в основе картины мира Достоевского лежит саморазвертывание онтологической триады: «среда» (мир механической причинности) — «почва» (органика народного духа) — «земля» (высшая реальность подлинной свободы). Заметим, что у Энгельгардта нашлись и современные последователи: «Бытие как бы разбито для Достоевского на три уровня: эгоистически-бесструктурная “среда”, сохранившая софийную структурность “почва” и сама София — “земля”» (*Аверинцев С. С. София // Философская Энциклопедия: В 5 т. М., 1970. Т. 5. С. 62*).

Возражая Б. М. Энгельгардту, Бахтин говорит: «Б. М. Энгельгардт <...> монологизирует мир Достоевского, сводит его к философскому монологу, развивающемуся диалектически. Гегелиански понятый единый, диалектически становящийся дух ничего, кроме философского монолога, породить не может. Менее всего на почве монистического идеализма может

расцвеств множественность неслиянных сознаний. В этом смысле единый становящийся дух, даже как образ, органически чужд Достоевскому. Мир Достоевского глубоко п л ю р а л и с т и ч е н» (ПнД, 1972, 45).

См. воспоминания Бахтина об аресте Энгельгардта (1930) в связи с «делом академиков», о самоубийстве его жены, Натальи Евгеньевны Гаршиной-Энгельгардт, племянницы писателя Вс. Гаршина, о его смерти во время блокады: *Дувакин*, 149—150. В Доме предварительного заключения Энгельгардт прочел на стене оставленную Н. Анциферовым надпись — цитату из стихотворения В. С. Соловьева «Бедный друг! истомил тебя путь...» (см.: *Анциферов Н. П.* Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С. 398).

Г. Волошин

Пространство и время у Достоевского <фрагмент>

Печатается по первопубликации: *Волошин Г.* Пространство и время у Достоевского // *Slavia*. Прага, 1933. Т. 12. Вып. 1—2. С. 162—172 (публикуемый фрагмент: С. 170—171).

¹ Статью «Русская трагедия», посвященную «Бесам», С. Н. Булгаков начал с обоснования существа трагического. «<...>Ход и развитие трагедии, — говорит он, — определяется не человеком с его личной драмой, в его эмпирической, бытовой, временной оболочке, но надчеловеческим, сверхчеловеческим (или, вернее, ноуменально-человеческим) законом, неким божественным фатумом, который осуществляет свои приговоры с неотвратимой силой. Он, этот божественный закон, и есть подлинный герой трагедии, он раскрывается в своем значении Провидения в человеческой жизни, вершит на земле свой страшный суд и выполняет свой приговор. Содержание трагедии есть поэтому внутренняя закономерность человеческой жизни, осуществляющаяся и раскрывающаяся с полной очевидностью при всякой попытке ее нарушить, отклониться от ее орбиты. <...> Трагедией в указанном смысле являются и “Бесы”». Булгаков, не ссылаясь на Вяч. Иванова, усиливает мистериинные контексты «романа-трагедии» (коль скоро «Бесы» для русского богослова есть «символическая трагедия»): «В средние века сценические представления, в которых действующими лицами являлись Христос и святые, носили название мистерий, и в этом смысле и “Бесы” есть мистерия. Однако “Бесы” имеют право на это название не только в литературно-историческом смысле, в них есть предначаток той священной и трепетной подлинности, какой должна явиться чаемая и лелеемая в душах грядущая мистерия — богодействие. И этот мистериальный характер трагедии Достоевского со всей силой ощущается и при постановке ее в Художественном театре: чувствуется, что это не обычное представление для “развлечения” жадной до зрелищ театральной публики, но нечто уже на границе сценического искусства стоящее, его перерастающее. Подлинная мистерия не может быть только зрелищем, она обязывает ко многому, не позволяя зрителю оставаться пассивно-эстетическим созерцателем, как и актеру — только лицедеем; роль только зрителя или только актера кажется уже кощунственной; и словно теургический трепет пробегает по зале...» (*Булгаков С. Н.* Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 2. Избранные статьи. С. 499, 502).

О восприятии Достоевского Серебряным веком см.: *Исупов К. Г.* 1) В школе философской критики <Рец. на кн: О Достоевском. Творчество Дос-

товского в русской мысли 1881—1931 годов. Сб. статей. М., 1990> // Вопросы философии. 1991. № 7; 2) Возрождение Достоевского в русском религиозно-философском ренессансе // Христианство и русская литература / Отв. ред. В. А. Котельников. СПб., 1996. Сборник второй. С. 310—333; 3) Компетентное присутствие. Ф. М. Достоевский в памяти Серебряного века // Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования СПб., 2000. Т. 15; Белов С. В. Национальное достояние России // Русские эмигранты о Достоевском. СПб., 1994. С. 5—19 (библиография за 1920—1990 гг.: С. 393—428).

Термин «роман-трагедия» живет и в современной филологической традиции (Ф. И. Евнин), однако обоснованная Бахтиным неприменимость этой жанровой клички к прозе Достоевского (трагедия не допускает голосового плюрализма позиций героев) также имеет своих последователей: *Померанц Г. С.* Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М., 1990. С. 16—19.

Современную трактовку трагического у Достоевского и библиографию вопроса см. в статьях Л. И. Мосиенко и Г. К. Щенникова: Достоевский: Эстетика и поэтика. Словарь-справочник. Челябинск, 1997. С. 50—52.

² В качестве комментаторской реплики предлагаем читателю кратчайший обзор — в жанре словарного определения — авторских контекстов категорий времени и пространства у Достоевского. Сознвая неразделимость времени и пространства в бытийной целостности хронотопа, мы — исключительно из соображений удобства анализа — условно их разделим для раздельного о них разговора.

Время как онтологическая категория и предмет философской рефлексии осмысливается писателем сначала в контекстах становления (т. е. диалектически) и свершения (т. е. телеологически и эсхатологично), а затем в специальных акцентах почвеннических интуиций: время не столько дано как органический модус бытия, сколько задано как проблема истории личности и качество самосознания. Достоевский более охотно принимает время как опыт самоанализа, самонаблюдения и внутренних ориентаций «я», чем как физический параметр бытия. Время как онтологическая категория с точки зрения Достоевского относительно (влияние неевклидовых картин мира — ср. мысль Лобачевского, на которую Достоевский ссылается в «Записной книжке 1860—1862 гг.»: «На свете ничего не начинается и ничего не оканчивается» <20, 152>). Достоевский пытается соединить онтологию открытого бытия (в плане вечности) и евангельскую эсхатологию Иоанна Богослова (в плане истории), оставляя своим героям право на переживание времени в широком спектре его качеств (дискретность/не дискретность, краткость/длительность, диффузность/вязкость, насыщенность/пустотность и т. п.). Одним из первых в мировой художественной практике Достоевский показал мировоззренческую мотивированность субъективного опыта переживания времени и способствовал тем самым дальнейшей релятивизации категории в научных картинах мира (А. Эйнштейн) и в искусстве модерна (Д. Джойс, М. Пруст, И. Стравинский, С. Дали). Осознание Достоевским феномена времени в аспектах трагической экзистенции определило трактовку этой категории в большинстве постклассических направлений мысли XX века (персонализм, экзистенциализм, феноменология, философия жизни, философская антропология); тем самым именно творчество Достоевского и опиравшийся на него религиозно-философский ренессанс Серебряного века завершили борьбу с позитивистской философией времени. С этого момента с особенной остротой время переживается как болезнь дольного бы-

тия и предмет рассудочной тревоги человека. Со времен Канта стало очевидным, что время и пространство суть принципы выразительного оформления данных чувственного опыта, так что статус времени и его актуальность для художественной картины мира в дополнительных аргументах не нуждались. На этой основе реализуются функции времени в эстетическом смысле. Для героев Достоевского время есть время преодолеваемое: концептуально или «поступочно». В отношении к времени выражается этическая позиция героя: если «я» не принимает мир сплошь детерминированной жизни, оно либо тотально отрицает последнюю — суицидный бунт Ипполита в «Идиоте», либо целиком уходит из мира самоочевидных общих истин во внекаузальную реальность возможных миров (парадоксалисты), либо творчески преодолевает время в личном поступке — в формах игры, эксперимента, мечты, усиленного припоминания на грани реального и ирреального. Овладение временем есть внутренняя задача самостоятельного героя — отсюда его (и автора) особое внимание к измененным формам сознания (припадок, бред, сон, греза), к альтернативной реальности воображения («мечтатели») и опыту символического переживания вечности. Аксиология вечного развернута Достоевским в рамках личной судьбы героя и при полном свете текущего дня: временное и метаисторическое пересекаются в пространстве самосознания героя. В разрывах и просветах физического мира становится возможным непосредственное видение истины, «когда перескакиваешь через пространство и время и через законы бытия и рассудка и останавливаешься лишь на точках, о которых только грезит сердце» (25, 110). Время бытия насыщено смысловыми проекциями вечного: вечное предельно конкретизовано; в этой связи эксплуатируется поэтика фольклоризма, мифологизма и символа. Чем выше градус временной абстракции, тем отчетливее контур образа (вплоть до избыточного натурализма: см. зооморфно-гротескные символы вечности). Событийный ритм прозы Достоевского почти не знает реально-временной темпоральности. Отвечая состоянию героя, время лихорадочно убыстрено: когда Раскольников поступком убийства «как бы ножницами отрезал себя сам от всех и всего» (6, 90), он выпадает из быта людей в объятья обеспамятвшего мира. «Иной раз казалось ему, что он уже с месяц лежит; а в другой раз — что все тот же день идет» (6, 92). Эскалация временного ритма, инверсия и параллелизм, сгущение и диффузия, ускорение и замедление становятся мерами бытия и поведения героя, превратившего внешнее обстояние в сценарии внутренней жизни. Соответственно, усложняется и ритм повествования: он приобретает черты музыкального контрапункта и симфонического универсализма — сложно сопряженного многоголосия, где реплика и ответ связаны не отношениями последовательности, а общностью проблемного приоритета. Специфический интерес представляют формы обгона времени, антиципации событий (кн. Мышкин обладает пророческим даром предугадывания событий, он «предчувствует сюжет»), «ложной памяти» (герои-конфиденты при первом свидании «узнают» друг друга — Настасья Филипповна и Мышкин: 8, 89—90), эсхатологического видения (сон Раскольникова о «трихинах»). Наследие Достоевского воспитало в читателе новой эпохи принципиально иную аксиологию времени, открыло ему сложность временных структур и многообразие субъективного опыта временного переживания.

Что касается *пространства* как онтологической категории и предмета философского размышления, то здесь своевременно будет вспомнить рас-

суждения Достоевского о природе неевклидова мира: «Реальный (созданный) мир конечен, невещественный же мир бесконечен. Если бы сошлись параллельные линии, кончился бы закон мира сего. Но в бесконечности они сходятся, и бесконечность есть несомненно. Ибо если бы не было бесконечности, не было бы и конечности, немислима бы она была. А если есть бесконечность, то есть Бог и мир другой, на иных законах, чем реальный (созданный) мир» (27, 43). Задачей Достоевского-мыслителя стало внутреннее освоение пространства и превращение его в рельеф духовного мира героя. Реальное пространство при этом не исчезает, а нагружается символической значимостью. С одной стороны, актуальными остаются топографические реалии, но, начиная с пространственных антитез высокой степени абстракции (Запад/Россия, цивилизация/культура, среда/почва) и заканчивая конкретными местами действия (площадь, лестница, порог, гостиная, трактир, середина, угол), пространство романного мира уточняет свой словарь символов во все более и более индивидуализируемых акцентах, так что смысловые рамки символа истончаются, знаменуя переход к чисто мыслительным структурам. Если у Гоголя образ реальной дороги, превращаясь в символ русского пути («Русь-Тройка») еще сохраняет автономность обеих трактовок движения, то у Достоевского топосы «одиначества», «встречи», «узнавания», «диалога» и судьбоносного «поступка» изначально и без всяких переходов поданы как сущностные доминанты мирового бытия и как знаки личной судьбы. Пространство включено в горизонт внутреннего видения на правах конструктивного принципа бытия. Самосознание героя формирует символическое пространство и некоторым образом «порождает» его; отсюда — отношение к физическому пространству как призрачному (см. образы Петербурга как «умышленного» города) и как к сырому жизненному материалу, подлежащему пластической формовке и «художнической» организации. Герои создают свои собственные пространственные ниши («всего только угол» Макара Девушкина, «комната-гроб» Раскольникова; см. образы дома, кельи, трактира, церковного двора и пустыни в «Братьях Карамазовых»), на границах которых они контактируют с нишами других. Геометрия мира Достоевского — это область границ, соприкосновений, обособлений и пересечений, в ответственных точках которых происходит общение и спор по поводу последних вопросов. Бытовое пространство измерено скоростью его преодоления, но не в физическом только смысле, а и в «голосовом»: дистанция снята, если герой услышан Другим. У Достоевского — не столько увиденное, сколько услышанное и озвученное пространство; роль ориентиров в нем выполняют не физические линии прямой перспективы и не предметные маркеры-указатели преткновения, ограничения, перекрестка или направления пути, а зов, оглядка и спор. Поэтому самые насыщенные пространства Достоевского — это топосы внутренней речи, самовопрошания, исповедания и расщепления сознания героя на контрагентов совестного суда. В его артистическом и многоликом «я» разворачивается внутренний театр яролей; — он и становится основным пространством подлинного обитания личности. Ландшафт сознания героя открыт Другому и другим, что спасает «я» от плена плоского и эгоистически замкнутого пребывания в себе. Художнической и мировоззренческой новацией Достоевского было открытие и утверждение позиции диалогического доверия Другому (Бахтин). Через Другого свершается акция духовного самораскрытия и религиозного катарсиса, чтобы могло состояться не только должное содружество людей, но и

горний богочеловеческий диалог в метапространствах единомножественного Собора всяческих «я» и Творца. Достовский создал эстетическую топологию незавершенного в истории и незавершимого в бытии существования. В этом — ментально-«овеществленном» — смысле в категории пространства сущность и существование совпадают, потому что мир сознания энергично и даже агрессивно присваивает себе все приоритеты по скульптурированию создаваемой реальности.

Краткую библиографию исследований пространственно-временной образности у Достоевского см. Достоевский: Эстетика и поэтика. Словарь-справочник / Ред. Г. К. Щенников. Челябинск, 1997. С. 76, 111.

В. Л. Комарович

Новые проблемы изучения Достоевского. 1925—1930. Ч. 2
<фрагмент>

Печатается по изданию: М. М. Бахтин в зеркале критики. М., 1995. С. 74—83 / Пер. с нем. и публ. В. Л. Махлина. Впервые: *Komarovic V. Neue Probleme der Dostojewskij-Forschung 1925—1930. Teil 2 // Ztschr. für slavische Philologie. Leipzig, 1934. Bd. 11, 1/2. S. 227—234.*

Комарович Леонид Васильевич (1894—1942) — литературовед.

В «Ленинградской правде» за полгода до ареста Бахтина был опубликован фельетон братьев Тур о двух философско-религиозных кружках — «Космической Академии наук» и «Братстве Серафима Саровского». По этому делу был привлечен и Л. В. Комарович. См.: *Дувакин*, 149—150, 307—308.

С работами Л. В. Комаровича, в частности, со статьей о «Подростке» (*Комарович В.* Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство // *Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы* / Ред. А. С. Долинина. М.; Л., 1924. Сб. 2. С. 31—68) Бахтин был знаком и полемизировал с ним (*ПтД*, 1929, 32, 34).

¹ См.: *Попов П. С.* «Я» и «оно» в творчестве Достоевского. М., 1928. С. 217—275.

² *habitus* — здесь: образ мыслей (лат.).

³ Цитируется статья С. А. Аскольдова-Алексеева «Психология характеров у Достоевского» (*Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы* / Ред. А. С. Долинин. М.: Л., 1924. Сб. 2. С. 24).

⁴ См. замечание комментатора публикуемого источника: «Для Комаровича катастрофа — это “результат”, завершающий и разрешающий смысловое напряжение романа. Для Бахтина катастрофа, скорее, абортивна по отношению к событию, она ничего существенно не завершает, только прекращает (на время) данный сюжет, в котором раскрылся незавершимый изнутри смысл события. Ср. “Проблема катастрофы. Катастрофа не есть завершение. Это кульминация в столкновении и борьбе точек зрения (равноправных сознаний с их мирами). Катастрофа не дает им разрешения, а, напротив, раскрывает их неразрешимость в земных условиях, она сметает их все, не разрешив. Катастрофа противоположна триумфу и апофеозу. По существу, она лишена и элементов катарсиса» (Э, 323—324)» (Указ. соч. С. 92).

Д. И. Чижевский

Новые книги о Достоевском
<фрагмент>

Печатается по первопубликации: Новый журнал. Нью-Йорк, 1965. Т. 81. С. 282—284. Обзор Д. И. Чижевского включает также оценку книг А. С. Долинина «Последние романы Достоевского» (М.; Л., 1963); упомянута и книжка Я. С. Голосовкера «Достоевский и Кант» (М., 1964). Впервые этот текст был перепечатан О. Е. Осовским в сб. «Бахтинский сб.—II» (М., 1991. С. 383—385).

Чижевский Дмитро (Дмитрий) Иванович (1894—1977) — русско-украинский историк, философ, литературовед-славист.

См. его работы о Достоевском: Масарик и Достоевский // Центральная Европа. Прага, 1931. № 2. С. 87—92; К проблеме бессмертия у Достоевского (Страхов—Достоевский—Ницше) // Жизнь и смерть. Сб. памяти Н. И. Осипова / Ред. А. Л. Бема и др. Прага, 1936. С. 26—40; Шиллер в России // Новый журнал. Нью-Йорк, 1956. № 45. С. 109—135.

¹ *Трубецкой Николай Сергеевич* (1890—1938) — русский историк и мыслитель, евразиец; один из крупнейших славистов Зарубежья. См. некролог Д. И. Чижевского (Современные записки. Париж, 1938. Т. 8. С. 335—342). Библиографию трудов см.: *Пашуто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 176. См.: *Трубецкой Н. С.* О двух романах Достоевского («Преступление и наказание» и «Бесы») // Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. № 60. С. 116—137 (со ссылкой на книгу М. Бахтина); Ранний Достоевский // Там же. 1960. № 61. С. 124—146; О втором периоде творчества Достоевского // Там же. 1964. № 77. С. 258—274; О методах изучения Достоевского // Там же. 1957. № 48. С. 109—121; Творчество Достоевского перед каторгой // Там же. 1964. № 78. С. 258—274; Достоевский и А. П. Философов / Публ. С. В. Белова // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1973, ноябрь; Об искушении Христа в пустыне и Достоевском // Вече. Мюнхен, 1983. № 3. С. 93—103.

См.: «Очевидное воздействие концепции М. М. Бахтина испытал и Николай Сергеевич Трубецкой, что, по вполне убедительному свидетельству В. В. Виноградова, нашло непосредственное отражение в университетском курсе лекций о творчестве Достоевского, опубликованном в виде книги «Достоевский как художник» (Париж, 1939) <Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 30—32. — К. И.>» // *Осовский О. Е.* Страницы из истории восприятия «Проблем творчества Достоевского» русской эмиграцией первой волны (Бахтинский сб.—II. Саранск, 2000. С. 123). Ранее из всех Трубецких только Евгений Николаевич был однажды упомянут рядом с Бахтиным: *Тамарченко Н. Д.* Проблема автора и героя и спор о богочеловечестве (М. М. Бахтин, Е. Н. Трубецкой, Вл. С. Соловьев) // Бахтинские чтения—2. Витебск, 1998. С. 105—130).

² Термин «просвещенство» В. Зеньковский применял для характеристики мировоззрения В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и Д. И. Писарева. См.: *Зеньковский В. В.* История русской философии: В 2 т. 2-е изд. Париж, 1989. Т. 1. С. 275, 342—344.

Ю. Кристева

Бахтин, слово, диалог и роман

Печатается по источнику: Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 4. С. 5—240. Впервые: Critique. 1967. Т. 23. № 239. Р. 438—465. Перевод с франц. Г. К. Косикова.

Юлия Кристева — французская исследовательница речи и типов дискурса, специфики словесного искусства, семиотик-постструктуралист. Работает в Париже, в Коледж де Франс. Усилиями Ю. Кристевой и Ц. Тодорова идеи Бахтина получили широкое распространение на Европейском континенте. Характеристику взглядов Ю. Кристевой советский читатель впервые увидел в книге Н. С. Автономовой «Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках (Критический анализ концепций французского структурализма)» (М., 1977. С. 158—191).

¹ Термины описания процессов развертывания высказывания (во французской семиотической традиции) см.: *Греймас А. Ж., Куртэ Ж.* Семиотика. Объяснительный словарь теории языка / Пер. с франц. // Семиотика. М., 1983.

² Ю. Кристева имеет в виду статьи Б. М. Эйхенбаума «Иллюзия сказа» (1918) и «Как сделана “Шинель” Гоголя» (1918). См.: *Эйхенбаум Б. М.* Сквозь литературу. Л., 1924. С. 152—156; 171—195.

³ Намеренно или нет, но Ю. Кристева путает понятие внутренней речи с ее литературными образами в формах «внутреннего монолога». В генетико-антропологическом плане см.: *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М., 1974.

С другой стороны, Ю. Кристевой осталась неизвестной статья Бахтина «Слово в жизни и слово в поэзии» (1926), где на проблеме интонации раскрываются понятия устной речи и речи изображенной, а также развивается концепция слова — «как бы «сценария» некоторого события» (Бахтин под Маской. Статьи Круга Бахтина. М., 1996. Вып. 5 (1). С. 75). См. также трактат «Автор и герой в эстетической деятельности» (*Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 9—14). См.: *Левинская Г. С.* К теории интонации М. М. Бахтина // Филолог. науки. М., 1994. № 1. С. 39—48.

⁴ См.: *Соссюр Фердинанд де.* Труды по языкознанию. М., 1997. С. 639—647.

⁵ ...*сугубо карикатурный смысл.* — Это отношение к карнавалу как форме коллективного поведения, репрезентирующего себя в «телах террора» стало всеобщим поветрием, на что теория Бахтина, в силу ее концептуальной «амбивалентности», дает серьезные основания. См.: *Рыклин М. К.* Тела террора // Вопросы литературы. М., 1992. № 1. С. 130—147. «Терротологические» трактовки карнавала усилились в связи с публикацией покойным В. Н. Турбиным устной реплики Бахтина: «И Евангелие — карнавал» (*Турбин В. Н.* Карнавал: Религия, политика, теософия // Бахтинский сборник — I. М., 1991. С. 6—29). Ср. характерную реплику петербургского поэта и философа-эссеиста В. Б. Кривулина (1944—2001) об отрицании Эйзенштейном и Бахтиным «суверенности и самодостаточности человека» в рецензии на книгу А. Эткнда «Эрос невозможного» (СПб., 1994): «Тоска по примитивному нерасчленимому бытию, по карнавалу, где личность — только роль,

маска, хохочуще-рыдающая пустота, не смысл, но лишь чистая возможность заполнения смыслом, не тело, но меняющиеся местами “верх” и “низ” — вот чего нам не преодолеть до тех пор, пока мы остаемся замороженными наследниками “массовой” эстетики Эйзенштейна и “соборной” этики Бахтина. Достаточно выйти сегодня на улицу, чтобы лицом к лицу столкнуться с этим карнавалом, где полярная, почти игровая перемена социальных знаков и эмблем может рассматриваться как инсценированная пародия на некоторые страницы “Творчества Франсуа Рабле”» (*Кривулин В. Б.* «Русский акцент» в психоанализе // *Russian studies*. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1995. № 1 (2). С. 449).

⁶ *пермутация* — смена, перемена (*лат.* — *permutare*).

⁷ *Ницше упрекал Платона за пренебрежительное отношение к дионисийской трагедии...* — В раннем трактате «Рождение трагедии из духа музыки. Предисловие к Рихарду Вагнеру» (1872) Ницше, скорее, имеет в виду Сократа, а не Платона. В Греции «оптимистическая диалектика гонит бичом своих силлогизмов *музыку* из трагедии, т. е. разрушает существо трагедии, которое может быть толкуемо исключительно как манифестация и явление в образах дионисических состояний, как видимая символизация музыки, как мир грез дионисического опьянения.

Если, таким образом, мы принуждены допустить некоторую антидионисическую тенденцию, действовавшую еще до Сократа и получившую в лице его лишь неслыханно величественное выражение, то нам не следует бояться вопроса — на что указывает такое явление, как Сократ; на таковое явление мы ведь не можем смотреть только как на разлагающую, отрицательную силу, раз имеем перед собой диалоги Платона» (*Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 111—112). См., однако: «<...> Греки вообще не могли выносить индивидов на трагической сцене. И действительно, их чувство было, по-видимому, таково; да и вообще это платоновское различие и оценка “идеи” в ее противоположности к “идолу”, к отображению, коренится в глубочайшем существе эллинизма. Если мы вздумаем воспользоваться терминологией Платона, то о трагических образах эллинской сцены можно было сказать приблизительно следующее: единственный действительно реальный Дионис является во множественности образом, под маской борющегося героя, как бы запутанный в сети индивидуальной воли. И как только этот являющийся бог начинает говорить и действовать, он получает сходство с заблуждающимся, стремящимся, страдающим индивидом, а то, что он вообще *является* с такой эпической определенностью и отчетливостью, есть результат воздействия толкователя снов — Аполлона, истолковывающего хору его дионисическое состояние через посредство указанного символического явления. В действительности же герой сцены есть сам страдающий Дионис мистерий, тот на себе испытывающий страдания индивидуации бог, о котором чудесные мифы рассказывают, что мальчиком он был разорван на куски титатами и в этом состоянии ныне чтится как Загрей; при этом намекается, что это раздробление, представляющее дионисическое *страдание* по существу, подобно превращению в воздух, воду, землю и огонь, что следовательно мы должны рассматривать состояние индивидуации как источник и первооснову всякого страдания, как нечто само по себе достойное осуждения. Из улыбки этого Диониса возникли олимпийские боги, из слез его — люди» (Там же. С. 93—94).

⁸ ...выводит личность из игры. — Если говорить о не включенности смерти в состав игровой жизни как универсальной (и неальтернативной) формы существования в античном смысле, то Ю. Кристева вряд ли права. От «играющего мальчика» Геркалита до образов людей — живых игрушек Плотина античная мысль движется в русле не только общемировой рефлексии, вроде «все — игра», но в уточненном контексте: «игра — это все». См.: Тахо-Годи А. А. Жизнь как сценическая игра в представлении древних греков // Искусство слова. М., 1973. С. 306—314. Что же касается бахтинского отношения к игре как мировоззренческой категории, то в целом оно было крайне осторожным.

В. Н. Топоров

Поэтика Достоевского и архаические схемы
мифологического мышления

Печатается по первопубликации: Проблемы поэтики и истории литературы. Сб. статей к 75-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности Михаила Михайловича Бахтина. Саранск, 1973. С. 91—109. В значительно расширенном варианте статья с посвящением М. М. Бахтину вошла в сборник трудов В. Н. Топорова «Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное» (М., 1995. С. 193—258).

Топоров Владимир Николаевич — широко известный исследователь мировой и отечественной мифологии, культуры и литературы; индолог и буддолог; семиотик, специалист в области сравнительного языкознания и структурно-типологических исследований; доктор филологических наук, академик; трудится в Институте славяноведения и балканистики Академии наук (Москва), член ряда иностранных академий.

¹ *Das Selbst* — сам, само собой (нем.).

² ...ср. П. Н. Анциферов... — мифологемы Петербурга Достоевского Павел Николаевич Анциферов (1889—1958) анализирует в трудах: Душа Петербурга. Пб., 1922 (Л., 1990); Петербург Достоевского. Пб., 1923; Быль и миф Петербурга. Пб., 1924; Город как выразитель сменяющихся культур. Л., 1926; Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. Фрагменты и перепечатки петербургологических штудий Анциферова см. в сб.: «Непостижимый Город...» Л., 1991; Москва/Петербург. Диалог культур в истории национального самосознания. Антология. СПб., 2000.

Основные работы В. Н. Топорова по истории «петербургского текста» см.: Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995.

³ *Главный ведийский ритуал...* — аспектологию и библиографию вопроса см.: Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки // Литература и культура Древней Индии. М., 1970. С. 36—88; Топоров В. Н. Ведийская мифология // Мифы народов мира: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 220—226.

Вяч. Вс. Иванов

Значение идей М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики

Печатается по первопубликации: Семиотика. Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. VIII (Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 308). С. 5—44. Перепечатку см.: Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 3. С. 5—57 (к републикации автор добавил «Послесловие»: С. 59—67).

Иванов Вячеслав Всеволодович — филолог, академик РАН, широко известный лингвист-семиотик, исследователь мировой мифологии и культуры, сотрудник ряда научных центров страны (Институт славяноведения и балканистики РАН, МГУ и др.) и зарубежных сообществ. В конце 1996 г. Вяч. Вс. Иванов отвечал на анкетные вопросы редакции журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» — «В какой мере Вы считаете карнавальную концепцию убедительной и верной, соответствующей позднейшим данным гуманитарных наук? Кто из последователей и оппонентов Бахтина сделал, как Вам представляется, особенно много для ее усовершенствования или уточнения?» Ответ был таким: «Я думаю, что значение работы все усиливается. По сходному пути шли многие исследователи средневековой культуры, Хейзинга и Жак ле Гофф: кстати, его точка зрения гораздо ближе бахтинской, чем соображения наших отечественных последователей или эпигонов школы *Анналов*. Ле Гофф называет фольклорной ту струю, которая у Бахтина — карнавальная или смеховая, но это скорее терминологическое различие. Я нахожу особенно много сходства с бахтинскими идеями в гениальной статье Романа Jakobson “Medieval Mock Mystery” (“Средневековая смеховая мистерия”). Jakobson изучает старочешский гротескный текст театрализованного представления, в котором евангельские мотивы (Воскрешение Лазаря) пародируются самым беспардонным образом, соотносятся с современной автору рекламой аптечных изделий и т. п. Я говорил Бахтину о поразительном сходстве этой статьи с его книгой, и он этим заинтересовался. Интересно, что Jakobson ссылается на несколькими публикаций того времени. Карнавальная тема в то время занимает многих: фольклористов, как Пропп, который в старости вернется к теории комического, специалистов по классической древности: Шкловский в этой связи правильно вспомнил об Андриане Пиотровском, сыне Ф. Зелинского, столько значившего для Бахтина. Если можно говорить о целом предструктуральном направлении в нашей науке 30-х гг., то для него тема карнавала окажется одной из главных. Из писавших на эту тему на Западе и в Америке, я кроме Лича, особенно бы отметил Тернера, который в последних предсмертных работах упоминал Бахтина и его книгу о Рабле. У книги Бахтина много последователей и продолжателей, в каждом исследовании есть некоторые интересные наблюдения, но я пока не вижу настолько же значительного шага в этом направлении» (<Ответы Вяч. Вс. Иванова на анкету журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» по поводу книги Бахтина о Рабле> // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. № 1. С. 5—7).

¹ В последнее время он мог наблюдать само время, потому что оно не падало к нему в объятия, чтобы он мог его задержать, не вставало ему на

пути, чтобы его переубедить, но он трактовал его как исключительно современную картину бесконечного процесса, частично процесса Бога, который хранится в нашем внутреннем мире (*нем.*).

К. Томсон

Диалогическая поэтика Бахтина

Печатается по изданию: Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 1. С. 63—69 / Пер. А. Махова и Г. Шелогуровой. Впервые: Russian Literature. 1989. № 26.

Клайв Томсон — канадский критик, переводчик, исследователь творчества М. Бахтина (Университет Лондон/Атланта, Канада).

III

СУДЬБА ИДЕЙ: КАРНАВАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Стенограмма заседания Ученого совета Института мировой литературы им. А. М. Горького. Защита диссертации тов. Бахтиным на тему «Рабле в истории реализма» 15 ноября 1946 г.

Печатается по первопубликации, осуществленной Н. А. Паньковым: Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2/3. С. 55—102.

Предыстория и перипетии защитной и постзащитной ситуации освещены Н. А. Паньковым в сопроводительной статье (*Паньков Н. А.* «От хода этого дела зависит наше дальнейшее...» (Защита диссертации М. М. Бахтиным как реальное событие, высокая драма и научная комедия) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2/3. С. 29—54), а также в его обмене репликами с другим автором (*Алпатов В. М.* Заметки на полях стенограммы защиты диссертации М. М. Бахтиным // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. № 1. С. 70—97; *Паньков Н. А.* «Но мы Истории не пишем...» Несколько соображений о специфике биографического жанра // Там же. С. 98—139).

¹ ...тезисы... — Тезисы диссертации опубликованы в «Приложении 1» (Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2/3. С. 103—112).

² ...«Гиппократов роман», «Клементины»... — О «Гиппократовом романе Бахтин пишет в своей книге: «Этот роман входил в число приложений к “Гиппократову сборнику”. Это первый европейский роман в письмах, первый роман, имеющий своим героем идеолога (Демокрита), и, наконец, первый роман, разрабатывающий “маниакальную тематику” (безумие смеющегося Демокрита)» (*Т*, 1990, 399). «Клементины» — «произведение раннехристианской агиографической литературы, близкое к литературным формам агиографического романа. Основу сюжета “Клементин” составляют странствия апостола Петра и его ученика Клементя. <...> В основном это произведение построено на сюжетах из мирской жизни» // Словарь Антич-

ности / Пер. с нем. М., 1989. С. 272 (название здесь приводится в несколько другом виде — «Климентины»» (прим. Н. А. Панькова). Добавим указание на обстоятельную статью А. Успенского «Климентины» в кн.: Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1. А–К. С. 769—772.

³ В августе 1946 г. Е. В. Тарле писал Бахтину: «Очень рад был узнать из Вашего письма, что Вы собираетесь со временем снова приняться за Федора Михайловича. Если будете работать не в хронологическом порядке, — разберите “Бобок”. Это замечательнейшая, мефистофельская вещь, — и никто решительно ее не касался, — и поскорее напечатайте, чтобы я успел ее прочесть, раньше, чем стану материалом для подобных беллетристических произведений. И ведь Достоевский писал это за 6 лет до своей собственной смерти, и уже больной, — и эта вещичка никак не увязывается у него ни с чем решительно. Для историка литературы и критика большой простор». С. Г. Бочаров, опубликовавший этот фрагмент письма Тарле, добавляет по данному поводу: «Во втором издании книги, вышедшей в 1963 г., Бахтин выполнил пожелание Тарле и разобрал “Бобок”, но Тарле это прочесть уже не успел» (Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 84). Но, вероятно, Бахтин испытывал пристальный интерес к этому произведению и «по собственной инициативе». Причины этого процесса раскрываются в стенограмме защиты» (прим. Н. А. Панькова).

⁴ См.: *Фортунатов А. А.* К вопросу о судьбе латинской образованности в варварских королевствах (По трактатам Вергилия Марона Грамматика) // Средние века. М.; Л., 1936. Вып. 2. С. 113—134. В статье рассматриваются трактаты по латинской грамматике, приписываемые некоему преподавателю латыни, который взял на себя имя Вергилий Марон Грамматик. По мнению А. А. Фортунатова, псевдо-Вергилий жил в Южной Галлии примерно в конце V или в начале VI в., и его трактаты отражают «критический, переломный момент школы. Это уже не типичная риторско-грамматическая школа времен Авсония. Но это и не церковная школа времен раннего Средневековья, представленная поздней Бедой, Алкуином и т. д. Перед нами момент разложения старой римской школы» (С. 128). В связи с этим «вся грамматика псевдо-Вергилия <...> наполнена контрверсами и сопоставлениями разных мнений. Ни одного твердого положения: все пересматривается, обо всем спорят» (С. 129). Одним из таких спорных положений является тезис Вергилия о том, что латынь распадается на 12 родов, разновидностей: «общеупотребительная», «умственная», «переревернутая», «возвышенная» и проч. (Фортунатов склонен считать их разными говорами, по-разному искажающими литературный язык). Поскольку круг грамматиков был довольно узок, то многие из них находились в родстве и передавали профессию по наследству. Нередко поэтому учитель обращался к ученику в зательном падеже, называя его сыном (С. 127). Бахтин определяет статью Фортунатова как «замечательную по материалу», но с трактовкой этого материала не соглашается. В его трактовке «Вергилий Марон грамматический» — это полупародийный ученый трактат по латинской грамматике и одновременно пародия на школьную премудрость и научные методы раннего Средневековья» (Т, 1990, 19) (прим. Н. А. Панькова). См. также в бахтинских «Лекциях по истории зарубежной литературы. Античность и Средние века» (Саранск, 1999. С. 38).

⁵ ...социально-философская гуманистическая концепция... — Упрек, адресованный Бахтину в том, что в диссертации не представлен Рабле-гуманист, нужно понять в контекстах специфического марксистского наполнения термина «гуманизм» применительно к допролетарской литературе. В соответствии с этим контекстом «гуманистическим» считалось искусство, ориентированное на сатиру и критику нравов феодального и капиталистического обществ. Бахтин не считал сатиру ни типом пафоса, ни особым достоинством гуманизма как жизненной позиции, но скорее, полагал ее в составе жанрового признака (так, он говорит о «Клементинах» как о романной «форме сатиры»).

Об «общественной полезности сатиры Рабле» говорит проф. А. А. Смирнов, «великаном сатиры» называет его проф. И. М. Нусинов. Е. Я. Домбровская отметит: «У вас нет ничего о том, что Рабле — сатирик»

О гуманизме также твердят все. Проф. Н. К. Пиксанов: «Мощная стихия гуманизма <...> это вас не интересует»; Е. Я. Домбровская: «Рабле-гуманиста у вас не осталось»; «у вас нет связи с гуманизмом, идет отрицание сатиры». В последней реплике «сатира» и «гуманизм» окончательно приравнены. Эта традиция приравнивания сохранилась надолго (классический пример — книга Я. Э. Эльсберга «Вопросы теории сатиры» <М., 1957> и дошла до наших дней (см.: *Николаев Д.* Сатира Гоголя. М., 1984).

См. библиографию к статье Л. Денисовой «Гуманизм» (Философская Энциклопедия: В 5 т. М., 1960. Т. 1. С. 417), а для контраста: *Федотов Г. П.* О гуманизме Пушкина // Пушкин в русской философской критике XIX — нач. XX вв. М., 1990; *Франк С. Л.* Достоевский и кризис гуманизма // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931 гг. М., 1990; *Леви-Стросс К.* Три вида гуманизма // Ежегодник Философского общества СССР. 1987—1988. М., 1989. Историю понятия см., в частности: *Исупов К. Г.* Исторические уроки гуманизма // Диалоги о гуманизме. СПб., 1992.

⁶ Барон «знает, что сын по самой своей природе есть тот, кто будет жить после него и будет владеть его добром, т. е. убийца и вор» — В цитации Нусиновым эти соображения Бахтина связаны с трактовкой им темы убийства сына и мотива отцеубийства, а более широко — с историей русского Эдипа и с содержанием в контексте мировоззрения Бахтина эксплицитно невыраженного термина «преступное состояние мира». См.: *СС-5*, 1996. С. 85—86, 133, 346, 359, 363, 376. См.: *Исупов К. Г.* «Преступное состояние мира» // Бахтинский сб.—IV. Саранск, 2000. С. 88—93.

⁷ ...эвд... сатира... — недописанное стенографисткой словосочетание может быть прочитано как «эвклидова сатира» (Эвклид поставлен в ряд мастеров сократического диалога — *Пнд*, 1972, 183); как имя мениппеиной разновидности экспериментирующей фантастики, представленной «Энди-мионом» Варрона (*Пнд*, 1972, 196) и его же «Эвменидами» (*Пнд*, 1972, 197).

На защите не был зачитан короткий отзыв Б. В. Томашевского, участие которого в этих сценах не слишком понятно. Имя Б. В. Томашевского (1890—1957) связано в сознании современников, в основном, с пушкиноведческими штудиями (их прижизненный список, опубликованный в сб. «Пушкин. Исследования и материалы» (М; Л., 1960. Т. III. С. 23—36), составил 205 названий). Зарубежные литературы Борис Викторович знал не понаслышке: он изучал французскую литературу, учась в Льежском университете в Бельгии (1908—1912), который выдал ему диплом инженера-

электрика, и слушая лекции в Сорбонне. С Францией связана вся публикаторская судьба ученого: он начал со статьи о поэзии XVIII в. во Франции (Аполлон, 1915) и по смерти оставил в письменном столе книгу «Пушкин и Франция». Она была издана в 1960 г.

Отзыв Б. В. Томашевского, как выяснил Н. А. Паньков, был затребован редакцией «Художественной литературы» в процессе подготовки к печати книги Бахтина о Ф. Рабле; так что отзыв о *диссертации* превратился во внутреннюю рецензию на рукопись *книги*.

Приводим текст отзыва, не зачитанного на защите, по архивной публикации Н. А. Панькова (Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2/3. С. 118—119).

«Отзыв о книге М. М. Бахтина “Рабле”.

Исследование Бахтина представляет собою солидный научный труд объемом в 25 печ. листов. Это — историко-филологическое исследование романа Рабле с точки зрения тех традиций, в атмосфере которых создалось это произведение.

Предметом исследования являются судьбы пародийного реализма и традиции смеха в средневековой литературе и в эпоху Ренессанса. Автор убедительно доказывает, что тот комплекс представлений и мотивов, из которого слагаются элементы реалистического стиля, вовсе не является продуктом буржуазного сознания, и в частности ренессансная традиция реализма, ренессансный юмор восходят к иным началам, гораздо более демократического происхождения, чем позднейшая реалистическая литература. В основе раблезианских образов лежит традиция готического реализма, которую автор прослеживает начиная с явлений античного мира и особенно останавливаясь на позднем средневековье. В основе “готического реализма” лежат народно-праздничные (карнавальные) формы и стихийно-материалистическое мировоззрение. Представления о смерти и рождении, о высоком и низком, о телесном и космическом, отражаются в праздничном смехе народного коллектива, в площадных зрелищах, в пиршественных образах, в ярмарочных зазываниях, в различных проявлениях жизни народа в его труде и отдыхе. Гротескные образы, в которых соединяются элементы гиперболического смеха с грандиозно-безобразным, где мудрость смешана с предельным цинизмом, получают свое историческое истолкование в свете народной жизни, народных чаяний и народных форм внешнего их проявления.

Автору хорошо знакома многоязычная литература вопроса. Он хорошо ориентирован в трудах исследователей творчества и жизни Рабле, хорошо знаком с литературой XVI века, с идеологическими течениями в среде современников Рабле, отлично знает традицию готического реализма по документам, фольклорным записям, исследованиям. Его интерпретации всегда хорошо подкреплены историческими параллелями и справками. В тех случаях, когда, по первому впечатлению, читателю кажется, что безобидным формам юмора он насильственно придает значение глубоко философского характера, по мере углубления в приводимый в книге материал невольно приходится согласиться с автором и, оставляя нашу современную психологию восприятия, примерить образы Рабле к психологии его современников и предшественников.

Одной из особенностей юмора Рабле является его неудержимо наивный цинизм. Обилие образов и открытых формул, связанных с рождением и зачатием, поглощением пищи и экскрементами, широкое использование

площадной брани делают непереводаемыми произведения Рабле. Никакие формы письменной речи не в состоянии пристойно передать неудержимого “сквернословия” автора. К этой теме М. Бахтин подходит со всем объективизмом и бесстрашием филолога и историка. В общей системе народного мировоззрения эпохи “готического реализма” эти элементы составляют едва не основную часть. Моральные запреты, вытеснившие эти выражения и эти темы в область “циническую”, “грязную” и “отвратительную”, являются продуктом позднейших оценок, по традиции воспринятых нами. Поэтому нельзя скрывать, что откровенность и даже непристойность изучаемого материала может оттолкнуть неподготовленного читателя. Но элемент этот совершенно неустраим из всякого серьезного исследования Рабле. Достаточно вспомнить один диалог, в котором непристойное слово повторено 300 раз с разными эпитетами. Было бы ханжеством, недостойным научного исследования, все попытки завуалировать эти темы и эти выражения.

Серьезность автора в изучении данных вопросов освобождает его от всяких упреков по данному поводу. Но, с другой стороны, это придает книге характер филологического труда на уровне академического исследования, а не популяризаторского изложения.

Взгляды автора смелы и оригинальны. Они слагаются в цельную систему интерпретации произведения Рабле. В заключительной части автор показывает, насколько его выводы значительны и по отношению к поздним явлениям литературы (в частности, к Гоголю).

Знакомство с трудом М. Бахтина необходимо всякому, кто хочет серьезно, с исторической объективностью понять и изучить творчество Рабле и явления его эпохи. Можно быть уверенным, что на Западе, особенно во Франции, книга привлечет к себе внимание и произведет впечатление в компетентных кругах. Рабле — неисчерпаемая тема исследований, и во Франции создавалась своеобразная отрасль литературоведения вокруг Рабле, несколько напоминающая наше пушкиноведение. Нет сомнения, что для «раблезианцев» появление этой книги будет огромным событием. Но значение его, как видно уже из приведенного выше обзора проблем, освещенных автором, значительно шире монографического изучения Рабле. Это серьезный труд, посвященный традиции демократической струи в литературе и искусстве, народным формам реалистического стиля в мировой литературе.

Книга во всяком случае заслуживает печати.

Б. Томашевский.
XII. 44 г.»

Решающее значение для судьбы диссертации М. М. Бахтина и получения ученой степени ее автором имел отзыв Михаила Павловича Алексеева (1896—1981), академика (с 1958 г.), комментатора тома «Избранных статей» А. Н. Веселовского (Л., 1939), в составе которого находится статья «Рабле и его роман. Опыт генетического объяснения». Приводим текст отзыва целиком по первой публикации Н. А. Панькова (Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999. № 2. С. 57—61).

«Отзыв о диссертации М. М. Бахтина “Франсуа Рабле в истории реализма”.

Работа М. М. Бахтина под вышеуказанным заглавием, с моей точки зрения, представляет собою необычное, исключительное явление нашей научной литературы. По смелости, свежести и оригинальности своих идей,

по плодотворности своих результатов, по тонкости своего анализа и по многим своим другим, поистине превосходным качествам это исследование резко выделяется из всех тех докторских диссертаций последнего десятилетия, с которыми мне удалось ознакомиться в рукописях или из публичных отзывов. Диссертацию М. М. Бахтина я не могу назвать иначе, как работой *выдающейся*, которая, в случае своего издания, не сможет не стать настоящим событием в истории изучения литературы средних веков и Возрождения. Мало того, что она создана почти на пустом месте, что автор почти не имеет предшественников, открывая в творчестве Рабле такие стороны, которые либо не служили еще предметом внимания, либо истолкованы были превратно и ошибочно; мало того, что для своего исследования автор избрал одного из труднейших писателей мировой литературы, требовавшего исключительной и многосторонней подготовки: уже эти обстоятельства, взятые сами по себе, должны были бы заставить отнестись с полным уважением к его труду. Однако в данном случае важнее всего то, что автор, по-видимому, нашел правильный путь к решению “загадки” творчества Рабле, что его работа сумела обосновать с полной силой доказательности новый метод истолкования огромной цепи литературных фактов, в центре которой стоит роман Рабле, и что, таким образом, исследование М. М. Бахтина имеет значение научного открытия. Если согласиться с автором, что творчество Рабле бросает “обратный” свет на многовековой предшествующий период европейского культурного развития в его наименее изученных аспектах (а возразить ему что-либо по этому поводу было бы трудным и ненужным делом), то тем самым работа его приобретает значение труда, выходящего далеко за пределы истолкования творчества одного, хотя бы и “трудного” писателя. И в самом деле, работа ставит и решает много важнейших теоретических вопросов с полной методологической ясностью и в необычайно широких рамках исторической перспективы. Не говорю уже о том, что чтение работы доставляет истинное наслаждение. Каждая ее страница есть зрелый плод самостоятельной мысли, в ней нет готовых суждений, механически переносимых из чужих трудов; вся она противостоит всяческой банальности и трафарету, прокладывая собственные пути; замечательная эрудиция автора не препятствует, как это нередко бывает, ни оригинальности взглядов, ни изяществу построения объемистого труда, в котором нигде не чувствуется ни незавершенности, ни вялости изложения, ни утомления. Повторяю, что, с моей точки зрения, исследование М. М. Бахтина является работой выдающейся.

В книге 8 глав, изложенных на 673 машинописных страницах. Задачу, стоявшую перед ним, автор весьма скромно <с>формулировал в следующих словах: “попытаться набросать основные черты историко-систематической характеристики того типа реализма, который представлен в творчестве Рабле” (с. 150). Полагаю, что эта попытка может считаться вполне удавшейся и что работа дает больше того, что она обещает. Исходя из того, что роман Рабле должен стать “ключом к мало изученным и плохо понятым грандиозным сокровищам народного реализма”, автор попытался, исходя, с одной стороны, из анализа романа Рабле, а, с другой — из народно-фольклорной традиции средневековья (известной нам мало и <ре>конструируемой с помощью того же романа Рабле), найти общие для них элементы и тем самым вскрыл обратную сторону, так сказать, “официального средневековья”, той гротескной, народно-праздничной концепции мира и жизни, ко-

торая противостояла феодально-церковному гнету и таила в себе зародыши Возрождения. Анализируя в отдельных главах своей работы “площадное слово в романе Рабле”, “пиршественные образы”, “гротескные образы тела”, “образ и слово в романе Рабле” и т. д., автор получил возможность истолковать то жизнерадостное, трезво-реалистическое, проникнутое стихийным материализмом мировоззрение и искусство народных масс в период средневековья, которое разнообразно проявляло себя в народных празднествах, в шутовстве, в сатире, в играх, забавах, в произведениях искусства “низших жанров” и т. д. Нечего и говорить, почему все ряды этих явлений столь плохо изучены и превратно истолкованы в трудах о средневековой культуре: все эти явления “народного смехового творчества”, по терминологии автора, как и роман Рабле, “требуют для своего понимания коренной перестройки нашего художественно-идеологического восприятия, требуют уменьять отрешиться от многих глубоко укоренившихся требований нашего литературного вкуса, пересмотра многих понятий” (с. 3—4) и т. д.; главная же причина непонимания исследователями всех указанных, глубоко закономерных, процессов средневековой культуры — в продолжающемся на Западе влиянии “церковного” понимания этой культуры, противостоять которому может только советский ученый, стоящий на позициях научно-материалистического мировоззрения и методологии. Изучение средневекового шутовства, в его порою “цинических”, с точки зрения современной буржуазной морали, формах, долгое время считалось “неприличным” и “недостойным” делом, в особенности когда оно касалось изнанки средневековой религиозности, “материально-телесного содержания жизни” средневекового человека. Автор рецензируемой работы не только категорически порывает с этой традицией, но смело, ярко, талантливо утверждает принципиально-важное значение для понимания эпохи и этого народного мировоззрения, и порожденных им явлений искусства, фольклора, обрядности и т. д. Более того, автор делает одно весьма важное с методологической точки зрения наблюдение, что присущее фольклорно-средневековому реализму (к которому примыкает и который в значительной степени завершает творчество Рабле) “снижение путем перевода в материально-телесный план” не является самоцелью, но отличается как бы двузначностью: оно, по словам автора, “имеет не только уничтожающее, отрицающее значение, но и положительное, возрождающее: оно амбивалентно, оно отрицает и утверждает одновременно” (с. 17). Если эта “двузначность” не является случайным признаком, но составляет органическое свойство системы в целом, то становится вполне понятным и вполне объяснимым, почему творчество Рабле, опираясь на эту средневековую систему, могло стать одним из важнейших памятников ренессанской культуры. Крепко связывая искусство Рабле с фольклорно-средневековым реализмом, с традициями народного “неофициального” средневековья, автор вместе с тем открывает нам много новых возможностей для аналогичного истолкования средневековых “реликтов” в творчестве таких писателей Возрождения, как Боккаччо, Сервантес, Шекспир и многие другие или, лучше сказать, крепкой связи этих писателей с народным искусством, постепено, но неизменно подготовлявшим самый Ренессанс. Таков один из важнейших итогов исследования М. М. Бахтина. Другим, не менее важным результатом работы является утверждение, что без учета специфических особенностей творчества Рабле и тех народно-реалистических тра-

диций, которые он представляет, “невозможна сколько-нибудь продуктивная и глубокая история ни истории, ни теории реализма”.

Значение работы, с моей точки зрения, настолько велико и несомненно, что она не вызывает охоты указывать на спорные утверждения, в ней заключающиеся, или на вовсе не существенные упущения. На мой вкус, например, термин “готический реализм”, которым автор нередко пользуется, — термин неудачный, не покрывающие собою то явление, которое он обозначает, так как оно протягивается глубже в мировую историю, за пределы средневековья в обычном смысле; термину “готический реализм” я бы предпочел определение “фольклорно-средневековый реализм” или какой-либо другой в этом роде. Но это лишь спор о словах, а не о сущности явления, характеризованного ясно и отчетливо. В отдельных случаях я мог бы указать на случайные упущения или недосмотры; так, досадным показалось мне, например, неупоминание на с. 634, в связи с этимологией имени Гаргантюа, специальной работы акад<емика> В. Ф. Шишмарева в Ленинградском “Яфетическом сборнике” акад<емика> Н. Я. Марра. В нескольких других случаях я готов был бы предложить автору аналогичные пополнения. Но для работы такого стиля и масштаба, как рецензируемый труд, подобные библиографические поправки могли бы показаться крохоборством и неуместным педантизмом. Принципиальные же проблемы, поднятые в исследовании, таковы, что обсуждение их желательнее более в книгах, чем в рецензиях; последние едва ли смогут что-либо поколебать в весьма прочном построении автора, и значение труда едва ли уменьшится от того, что в нем будут указаны некоторые спорные детали. Вот почему я считаю возможным не вдаваться здесь в эти подробности. Исследование М. М. Бахтина рассчитано, прежде всего, на читателя-специалиста по европейским литературам. Лишь те читатели, которым знаком Рабле, научная литература о нем и состояние современного изучения литературы и искусства средневековья и Возрождения, могут по достоинству оценить данный труд. Лишь они поймут, с какой целью автор, между прочим, подверг точному научному анализу “площадные элементы” в романе Рабле и почему ему пришлось резко возразить тем исследователям, которые проявляют всего лишь “снисходительность к раблезианским непристойностям” (с. 161). Этой “снисходительности” пора было противопоставить откровенное, смелое, логически оправданное, ведущее к ясной цели научное изучение романа в оригинале, без цензурных изъятий. Именно потому, что автор сделал это, не побоявшись обвинений в бесцельности или “амбивалентности” такого анализа, он и достиг столь неожиданных и действительно значительных результатов.

Труд, имеющий значение научного открытия, поражающий обилием счастливых находок, полный свежих мыслей и плодотворных результатов, не должен получить несправедливой оценки. Присуждение автору кандидатской степени, вместо докторской, я, по своему глубокому убеждению, счел бы оскорбительным не только для автора, но и для достоинства советской научной критики, которая, полагаю, в состоянии резко отличить выдающееся исследование от простой компиляции.

С другой стороны, присуждение автору, вместо докторской, кандидатской ученой степени столь чрезмерно повысило бы требования, предъявляемые к кандидатским диссертациям, что сделало бы невозможным дальнейшие защиты большинства из них. Присуждение М. М. Бахтину степени доктора филологических наук считаю вполне *справедливым* и вполне им

заслуженным. Никаких других предположений я, со своей стороны, сделать не могу и позволил бы себе настаивать именно на таком решении.

Профессор Ленингр<адского> университета
член-корреспондент Академии наук СССР
М. П. Алексеев
1 марта 1948 г.».

(Подчеркнуто везде М. П. Алексеевым. При подготовке «Рабле» к изданию в начале 1960-х годов Алексеев написал еще один отзыв, в котором он подтвердил свое мнение: «В 1938 или 1939 году <неточность. — Н. П.>, по предложению экспертной комиссии ВАКа, членом которой я тогда состоял, я представил большой (до 20 машинописных стр.) отзыв о работе М. М. Бахтина “Творчество Рабле” и подробно обосновал в нем желательность присуждения автору ученой степени *доктора филологических наук* <подчеркнуто М. М. Алексеевым. — Н. П.>. Копия этого отзыва у меня не сохранилась, но я отчетливо помню высокие научные качества этого выдающегося труда, который, как мне казалось тогда, необходимо было издать. В этом труде я отмечал и эрудицию автора, и блеск изложения, и, главное, не часто встречающуюся в работах этого рода удивительную, пленяющую читателя оригинальность построений, широко аргументированных и прочно доказанных.

И в настоящее время мнение мое об этом труде не изменилось. Я и сейчас полагаю, что за этот труд автору вполне должна была бы быть присуждена ученая степень доктора филологических наук и что он *не* получил ее своевременно лишь по недоразумению.

Акад<емик> М. П. Алексеев.
Ленинград, 15 янв. 1963» <...>. — *Прим. Н. А. Панькова*).

Л. Е. Пинский

Отзыв о книге М. М. Бахтина «Творчество Рабле и проблема народной культуры средневековья и Ренессанса». 747 с.

Печатается по архивной первопубликации: Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск, 1998. № 4. С. 102—108 (публ., подг. текста и комм. Н. А. Панькова).

Пинский Леонид Ефимович (1906—1981) — литературовед, специалист по культуре эпохи Возрождения, шекспировед.

По сообщению первопубликатора, текст представляет собой внутреннюю рецензию на книгу Бахтина о Рабле для издательства «Художественная литература»; датирована рукопись 12 октября 1962 г. Текст в видоизмененном виде дважды печатался: как рецензия на вышедшую книгу (Вопросы литературы. 1966. № 6. С. 200—206) и как раздел книги: *Пинский Л. Е.* Магистральный сюжет. М., 1989 («Новая концепция комического» — С. 358—366). Бахтин, в свою очередь, в апреле 1970 г. стал рецензентом книги Л. Е. Пинского «Драматургия Шекспира. Основные начала <драматургии>» (вышла в изд-ве «Художественная литература» в 1971 г.). Рецензия Бахтина опубликована дважды: фрагментарно (Э, 411—412) и полностью (Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 2 (7). С. 63—72).

Об истории взаимоотношений Л. Е. Пинского и М. М. Бахтина см.: Два монолога об одном диалоге. Е. М. Лысенко и В. В. Кожинцов рассказывают о М. М. Бахтине и Л. Е. Пинском // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 2. С. 108—118.

¹ ... *самых лестных отзывов со стороны известных ученых*... — как отмечает Н. А. Паньков, «имеется в виду письмо В. В. Виноградова, Н. М. Любимова, К. А. Федина в «Литературную газету», опубликованное там 23 июня 1962 г. под названием «Книга, нужная людям». Это письмо было «организовано» В. В. Кожинцовым, который к тому времени успел и сам в статье «Научность — это связь с жизнью» публично выразить свое восхищение книгой Бахтина и надежду на то, что она будет в ближайшее время напечатана (см.: Вопросы литературы. 1962. № 3. С. 86)» (Указ. соч. С. 117).

Л. М. Баткин

Смех Панурга и философия культуры

Печатается по первопубликации: Вопросы философии. 1967. № 12. С. 114—123.

Баткин Леонид Михайлович — доктор наук, исследователь мировой культуры и философии; специалист по литературам европейского Ренессанса, культуролог, общественный деятель. См. его работы, связанные с методологией Бахтина: Два способа изучать историю культуры // Вопросы философии, 1986. № 12. С. 105—115; Трудность истолкования религиозного как культурного у М. М. Бахтина // *Баткин Л. М.* «Не мечтайте о себе»: О культурно-историческом смысле «я» в «Исповеди» бл. Августина. М., 1993. С. 24—27 (то же: *Баткин Л. М.* Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М., 2000. С. 86—91).

В. Б. Шкловский

Тетива: О несходстве сходного
Франсуа Рабле и книга М. Бахтина

Публикуемый текст является главой книги В. Б. Шкловского «Тетива: О несходстве сходного» (М., 1970). Печатается по этому изданию (С. 255—296).

Шкловский Виктор Борисович (1893—1984) — русский писатель, историк и теоретик литературы и культуры, журналист, теоретик кино и практик-сценарист, мемуарист. В момент работы над книгой был последним (не считая Р. О. Якобсона, 1896—1982) из оставшихся в живых участников ОПОЯЗ'а.

Суммируя отношение В. Б. Шкловского к труду Бахтина, Вяч. Вс. Иванов в републикуемой статье сказал: «Одной из причин непонимания книги М. М. Бахтина Шкловским (см.: *Шкловский В. Б.* Тетива... С. 284—285) является то, что из всех этих аспектов (социальный, иерархический, пространственный, телесный. — *К. И.*) он (вероятно, в полемических целях) выбрал

только последний, истолкованный им при этом в том примитивно-гедонистическом духе, который в ранних, неизмеримо более содержательных книгах В. Б. Шкловского до его отхода от ОПОЯЗа вызвал критику М. М. Бахтина и Л. С. Выготского» (сноска 81).

¹ Текст «Послания слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» Д. И. Фонвизина (1774/1775—1792) создан в начале 1760-х гг. и опублик. в 1769. См.: *Левинтон Г. А.* Великаны в мифологии // Мифы народов мира: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 228.

² ...*Золотого века*, <...> в черновиках «Преступления и наказания». — см.: «О, зачем не все в счастье? Картина золотого века. Она уже носится в умах и сердцах. Как ей настать и пр.» (*Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание. Серия «Литерат. памятники». М., 1970. С. 500). См.: *Бельчиков Н. Ф.* «Золотой век» в представлении Ф. М. Достоевского // Проблемы теории и истории литературы. М., 1971. С. 357—366.

³ *Великая обитель Телем...* — ср. реплику А. Ф. Лосева: «Это аббатство построено в виде прямой противоположности монастырским порядкам. <...> Изображение Телемского аббатства у Рабле с поразительной откровенностью рисует всю беспомощность и все бессилие такого рода достаточно потешной для нас иллюзии. Ведь естественно возникает вопрос: на какие средства будет существовать такого рода райское блаженство и кто же будет трудиться? <...> Получается, что утопический социализм аббатства Телем есть социализм дармоедов и туенядцев, вырастающий на рабовладельчески-феодалных отношениях» (*Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 586—857).

Комментарий эпизода с Телемом см.: *Вахрушев В. С.* «Битва» вокруг Телема (Ф. Рабле, М. Бахтин, А. Лосев и др.) // Диалог. Карнавал. Хроно-топ. 1994. № 2. С. 23—32.

Д. С. Лихачев

Древнерусский смех

Печатается по первопубликации: Проблемы поэтики и истории литературы. Сборник статей к 75-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности Михаила Михайловича Бахтина. Саранск, 1973. С. 73—90.

Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906—1999) — крупнейший отечественный филолог XX в., историк древней и новой русской и мировой литературы, академик РАН и ряда иностранных академий, публицист, педагог, ме-муарист, общественный деятель.

Статья Д. С. Лихачева стала предварительным конспектом и составной частью принадлежащего ему раздела книги: *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В.* Смеховой мир Древней Руси. Л., 1984. С. 7—71. См., в частности, существенное уточнение: «Смех в Древней Руси был сопряжен с особым самовозрастанием темы, с театрализацией, приводил к созданию грандиозных смеховых действий — не к простому карнавалу, а к семантическому действию, в котором, естественно, постепенно утрачивалось само смеховое начало. Он порождал даже такие апокалиптические явления, как крошеч-

ный мир опричнины. Опричнина Грозного была только порождена смеховым началом, в дальнейшем она утратила его полностью. Дело в том, что смеховой мир всегда балансирует на грани своего исчезновения. Он не может оставаться неподвижным. Он весь в движении. Смеховой мир существует только в «смеховой работе». Шутку нельзя повторять, она не может застыть, она не имеет длительности. Тот или иной смеховой мир, становясь действительностью, неизбежно перестает быть смешным. Поэтому смеховой мир, чтобы сохраниться, имеет тенденцию в свою очередь делиться надвое. Это раздвоение смехового мира связано с самой сутью средневековой поэтики» (Указ. соч. С. 38).

Идеи книги Бахтина о Старой Франции отразились и нашли продуктивное развитие и в остальном тексте коллективной монографии трех авторов. Так, новую перспективу под пером акад. А. М. Панченко получила мысль Бахтина о сути юродства («Юродство <...> есть своего рода форма, своего рода эстетизм, но как бы с обратным знаком» <ПнД, 1972, 397>): «Жизнь юродивого, как и жизнь киника, — это сознательное отрицание красоты, опровержение общепринятого идеала прекрасного, точнее говоря, перестановка этого идеала с ног на голову и возведение безобразного в степень эстетически положительного. Если у киников «эстетика безобразного» есть следствие доведенного до абсурда «сократовского принципа утилитарной добродетели» (следует сноска на А. Ф. Лосева. — К. И.), то безобразие юродства также возможно лишь потому, что эстетический момент поглощен этикой. Это возвращение к раннехристианским идеалам, согласно которым плотская красота — от дьявола. В «Деяниях Павла и Теклы» апостол Павел изображен уродцем. У Иустина, Оригена, Климента Александрийского и Тертуллиана отражено предание о безобразии самого Христа. Это значит, что Иисусу приписывалась одна из черт, которые в ветхозаветные времена считались мессианскими (следует сноска на Э. Ренана. — К. И.). В юродстве словно застыла та эпоха, когда христианство и изящные искусства были антагонистическими категориями. Различие в послылках кинизма и юродства не мешает видеть, что оба феномена, в сущности, близки в философском осмыслении жизни: и киники, и юродивый стремятся достичь свободной жизни, их цель — благо, а благо не может зависеть от плотской красоты» (С. 80).

С. С. Аверинцев

Бахтин, смех, христианская культура

Впервые: Россия/Russia. 1988. Vol. 6. Marsilino, Editory S. p. A. In Venesia. Печатается по источнику: М. М. Бахтин как философ / Ред. С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин. М., 1992. С. 7—19.

¹ ...черты механичности... — см.: «Смешным является *машинальная косность* там, где хотелось бы видеть предупредительную ловкость и живую гибкость человека»; «Малейшая *косность* характера, ума и даже тела должна настораживать общество как верный признак того, что в нем активность замирает и замыкается в себе, отдаляясь от общего центра, к которому общество тяготеет»; «...где человек для человека служит просто зрелищем, остается известная косность тела, ума и характера, которую общество хотело бы устранить, чтобы получить от своих членов возможно большую гибкость и наивысшую степень общественности. Эта косность и есть комиче-

ское, а смех — кара за нее»; «...комическое <...> выражение лица не обещает нам ничего, кроме того, что оно дает. Оно — всего лишь гримаса, застывшая гримаса. Как будто бы вся душевная жизнь личности выкристаллизовалась в какую-то систему. Вот почему лицо бывает тем комичнее, чем сильнее вызывает в нас представление о каком-нибудь несложном, чисто механическом действии, поглотившем навсегда данную личность» (*Бергсон А.* Смех. М., 1992. С. 15, 20—23).

² См. эту запись, сделанную во время итальянского путешествия в ночь с 11 на 12 июня 1909 г. (а не с 1 на 2 июня, как в печатном оригинале): «Надо резко повернуть, пока еще не потерялось сознание, пока не совсем поздно. Средство — отказаться от литературного заработка и найти другой. Искусство — мое драгоценное, выколачиваемое из меня старательно моими мнимыми друзьями, — пусть оно останется искусством — без..., без Чулкова, без модных барышень и альманашников, без благотворительных лекций и вечеров, без актерства и актеров, без *истерического смеха*. Италии обязан я, по крайней мере, тем, что разучился смеяться. Дай Бог, чтобы это осталось. “Песня Судьбы” отравлена *всем* этим» (*Блок А. А.* Записные книжки. 1901—1920. М., 1965. С. 145).